

*Александр
Тамоников*

**ЧЕРНЫЕ
ТЕНИ
ЛЕНИНГРАДА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Черные тени Ленинграда / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-235408-3

При невыясненных обстоятельствах погибает офицер связи штаба Ленинградского фронта. Оперативные документы, которые были при нем, похищены. Выяснить, кто совершил диверсию, поручено группе СМЕРШ майора Ивана Бугрова. Оперативники прибывают в блокадный Ленинград и вскоре выясняют, что в городе действует крупная шпионская сеть. На допросе один из предателей сообщает, что агентурой руководит офицер абвера Эрих Шульц. В настоящее время он готовит серию взрывов на крупных узлах связи, после чего должен тайно отбыть в Германию. В распоряжении майора остаются считанные часы, чтобы предотвратить подрывы стратегических объектов и не дать уйти фашистскому агенту...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-235408-3

ПРОЛОГ

Мороз, пришедший с Балтики, вымораживал последнюю влагу из камня и дерева. Воздух обжигал легкие при каждом вдохе. В подвалах, в квартирах с забитыми фанерой окнами, в штабных помещениях температура была такая же, как на улице. Под минус двадцать пять. Для многих ослабевших жителей блокадного Ленинграда это был медленный приговор.

Обводный канал между Боровой улицей и товарной станцией превратился в ледяной коридор. Время — поздний вечер, сумерки. Черный лед под ногами сливался с заревом над Колпином на западе в одну сплошную грязно-багровую полосу.

Лейтенант дорожно-патрульной службы Управления Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) Ленинграда Сергей Веретенников шел, увязая по колено в снегу. С ним были два красноармейца из противовоздушной обороны. Шли цепочкой, молча, экономя силы. Снег под валенками хрустел, как разбитое стекло. Издалека доносилось равномерное механическое постукивание метронома.

Вдруг Веретенников замер. Его организм, истощенный скудным пайком, работал на пределе, но выработанное чутье указывало на сбой в привычной окружающей картине. Что-то было не так.

— Стой.

Красноармейцы остановились. Впереди, у мостика через сточную канаву, виднелась темная масса. Не сугроб — форма была слишком правильной, удлиненной. Лейтенант снял «ППШ» с плеча и сделал три шага вперед.

Приблизившись, лейтенант увидел лежащего лицом в снег человека в офицерской шинели. Рядом — фуражка с синим околышем и малиновыми кантами. Связист. В полуметре лежал кожаный портфель, раскрытый и пустой.

Веретенников действовал согласно памятке для патруля.

— Оцепление. — Он кивнул старшему бойцу. — На ту сторону канавы, участок к складам. Ты — ко мне, спиной, смотри на улицу. Никого не подпускать.

— Так точно.

Лейтенант не стал подходить ближе. Его функцией был первичный осмотр места преступления, а затем вызов специалистов и охрана до их прибытия. Он достал из-под тельняшки динамо-фонарь «жучок». Дрожащими от холода пальцами начал крутить ручку. Слабый прерывистый свет выхватил из темноты тело и зияющий пустотой портфель.

— Санин, — бросил он младшему после первичного осмотра. — Беги на пост на Боровой, пятна-

дцать. Вызывай дежурную смену УНКВД и военную прокуратуру. Труп офицера, убийство. Координаты наши. Быстро.

Боец кивнул и побежал, поскользнувшись на льду, тяжело и хрипло задышав. Пробежка в триста метров для дистрофика была пыткой. Веретенников смотрел ему вслед, затем перевел взгляд на снег вокруг тела. Два разных следа. Подошли, несколько минут топтались на месте, ушли. Следы уходящих смазаны, менее глубокие — значит, уходили быстро. Для задержания следы бесполезны, но факт: работали двое. Гильз видно не было.

Он посмотрел на часы. Двадцать двадцать. Они вышли в двадцать ноль-ноль. Предыдущий патруль был здесь в девятнадцать сорок пять. Выстрелов никто не слышал. Значит, ликвидация произошла между девятнадцатью сорока пятью и двадцатью десятью. А это указывало на работу людей, знающих график патрулей.

Он стоял, сжимая в заочневших пальцах приклад, и ждал. Мороз пробирался сквозь ватник, сводил челюсти. Красноармеец по ту сторону канавы едва слышно постукивал зубами.

Машина УНКВД — черный грузовик с фарами, затемненными синим целлулоидом, — подъехала через пятнадцать минут. Из нее вышли трое. Капитан в форме НКВД — следователь особого отдела с кожаной планшеткой. С ним оперативник с фотоаппаратом на груди и солдат с «ППШ».

Следователь, представившись капитаном Тарасовым, выслушал с мрачным видом доклад Веретенникова, кивнул.

— Оцепление оставить. Вы нужны пока здесь.

Капитан Тарасов надел шерстяные перчатки поверх кожаных, взял фонарь помощника. Он начал с общего: фотосъемка с привязкой к местности, зарисовка схемы в блокноте. Потом подошел к телу. Осмотр был методичным, лишенным суеты. Он зафиксировал позу, описал одежду, не трогая карманов. Потом осторожно, поддерживая за плечо, перевернул труп на спину. Хруст замерзшей ткани прозвучал отчетливо.

— Два входных отверстия. Группировка кучная, стреляли в упор. Одежда не обгорела — глушитель, — бормотал он, диктуя оперативнику факты для протокола.

Осмотр карманов шинели и галифе дал минимум: носовой платок, три гильзы от пистолета «ГТ», обрывок газеты. Ни документов, ни денег. Красноармейской книжки нет.

Затем следователь расстегнул шинель и китель. Осмотрел раны, одежду под ними. И тут его взгляд, привыкший к деталям, наткнулся на внутренний шов шинели на боку. Неровность. Нитка чуть темнее, стежки круче, чем машинная строчка.

— Инструмент.

Оперативник подал ему из чемоданчика не нож, а медицинский скальпель в футляре. Капитан Тарасов при свете фонаря аккуратно поддел шов. Сукно

разошлось на пять сантиметров. Внутри, между слоями ткани, блеснул матовый металл.

Он осторожно щипцами извлек плоский алюминиевый контейнер размером со спичечный коробок. Крышка на миниатюрном шарнире.

— Микрофильм. Абверовская упаковка, — констатировал он без эмоций, голос ровный, как лед.

Не пытаясь открыть контейнер на морозе, он поместил его в небольшой матерчатый мешочек, извлек из планшетки сургучную печать и спичку. Расплавил сургуч над пламенем спички и капнул на завязки мешочка, прижав своим перстнем-печаткой. Улика была опечатана.

— Тело — в морг. Улику — в лабораторию технического отдела. Немедленно, — приказал он оперативнику.

Потом он повернулся к Веретенникову.

— Ваш патруль действовал правильно, лейтенант. Свободны. Документы оформите в дежурной части.

Веретенников отдал честь. Его работа была закончена. Он повел своих бойцов прочь от этого места, оставив профессионалов доделывать свое. Он не знал, что было на пленке. Но вид этого контейнера, казенная точность движений капитана и тот факт, что улику отправляли в лабораторию немедленно, говорили одно: это было что-то очень важное. И очень опасное.

Ленинград, здание УНКВД на Литейном, подвал. Двадцать три сорок.

В бывшей кладовой, превращенной в лабораторию, оборудованную специальной печной системой

отопления для обеспечения проведения химических процессов, было очень тесно. На столе под яркой лампой с рефлектором стоял микроскоп. Рядом — проявочные кюветы, пахнущие уксусом и химикатами. Специалист технического отдела, щуплый мужчина в очках с толстыми линзами, завершал работу с пленкой. Она была проявлена, высушена. Теперь он, щурясь, вставил ее в держатель читального аппарата — громоздкого прибора с линзой и матовым стеклом. Включил подсветку.

На экране проступило первое изображение. Крошечное, но под увеличением — четкое. Схема. Условные обозначения долговременных огневых точек, траншей, минных полей. Штабные пометки, знакомые аббревиатуры частей.

Специалист медленно поворачивал ручку, перемещая пленку. Кадр за кадром. Невский пятак. Синявинские высоты. Артиллерийские позиции. Координаты. Все, вплоть до батальонного уровня. А потом — второй слой. Наложение. Красным — советские планы наступления. Синим — немецкие узлы обороны и расчетные сектора артиллерийского огня, точно как по линейке накрывающие эти планы.

Он откинулся на спинку стула, снял очки, долго тер переносицу костяшками пальцев. Потом снова надел очки и внимательно, уже не как техник, а как чекист, изучил несколько ключевых кадров. Кожа на его лице, и без того бледная, стала серой, как пепел.

Он встал, подошел к стене, где висела оперативная карта Ленинградского фронта. Сравнил конту-

ры. Совпадение было полным. Но на пленке было больше информации. Там были детали, секретность которых не вызвала сомнений.

В горле встал ком, знакомый по тем случаям, когда понимаешь масштаб провала. Это была не просто утечка. Это была инструкция по собственному разгрому.

Специалист аккуратно извлек пленку из держателя, упаковал ее в конверт из плотной бумаги. Потом взял со стола лист бумаги, ручку с пером. Его почерк, обычно каллиграфический, стал резким, угловатым, буквы наползали друг на друга.

«РАПОРТ. Начальнику второго отдела УНКВД Ленинградской области. По результатам технической экспертизы вещественного доказательства номер ноль семнадцать дробь Б (микрофильм).

На носителе обнаружены полные оперативные карты участка обороны 67-й армии (район Невский пятачок — Синявинские высоты) с детализацией до батальонного уровня, включая схемы минных полей и артиллерийских позиций. Материал содержит встречную немецкую разметку, указывающую на полную осведомленность противника о планах нашего наступления.

Вывод: из штаба Ленинградского фронта имела место утечка информации наивысшей степени секретности. Обнаруженные данные представляют собой прямую угрозу срыва операции по прорыву блокады и могут привести к неоправданным потерям личного состава.

Требуются экстренные оперативные мероприятия по выявлению и ликвидации канала утечки».

Он положил перо, запечатал рапорт и пленку в отдельный пакет, опечатал сургучом. Руки не дрожали.

Где-то в этом вымирающем городе, среди героев и дистрофиков, среди тех, кто еще держался, сидел «крот». Человек, продававший не мешки с мукой на черном рынке, а жизни десятков тысяч солдат. И этот человек, возможно, уже знал, что курьер мертв, а пленка попала не в те руки. Значит, время на поиск уже истекало.

ГЛАВА 1

Москва спала тревожным сном военного времени. Черные квадраты окон здания на Лубянке не пропускали наружу ни лучика света. Изредка по пустынным улицам проползали узкие лучи света из щелей фар грузовиков, бросая косые полосы на сугробы и колючие спирали «ежей». Внутри же, в кабинетах второго этажа, работа не прекращалась ни на секунду.

Майор Главного управления контрразведки Смерш Наркомата обороны СССР Иван Бугров поднялся по лестнице, минуя лифт. Его шаги по гранитным ступеням были упругими, точными, беззвучными. Он дышал ровно, воздух от дыхания растворялся в прохладном, пахнущем казенным мылом и старыми бумагами пространстве коридора. Он явно не питался скудным московским пайком этой третьей военной зимы. Сто восемьдесят пять сантиметров роста, около восьмидесяти килограммов мышечной массы, он был поджарый и хорошо натренированный. Он прибыл в столицу с Западного фронта месяц назад. С тех пор находился в резерве, ожидая нового

назначения. Ожидание закончилось сегодняшним вызовом в предрассветное время.

Дежурный по этажу, лейтенант с идеально начищенными пуговицами гимнастерки и пустыми, уставшими глазами, встал при его приближении.

— Товарищ майор Бугров?

— Да.

— Вас ждут. Проходите.

Лейтенант открыл тяжелую дверь, обитую потертой черной кожей. Бугров вошел.

Кабинет был нешироким, но с высокими потолками. Воздух пах сукном, крепким табаком «Герцеговина Флор» и слабым, но въедливым запахом карболки — ей протирали полы и телефоны. За массивным письменным столом, покрытым потертым зеленым сукном, сидел человек в форме генерал-лейтенанта НКВД. Это был заместитель Абакумова по линии военной контрразведки генерал Петров. Бугров знал о нем по слухам — «сухарь», «процедурщик», фанатик устава и иерархии. Рядом, у стены с огромной, испещренной пометками картой всего советско-германского фронта, стоял еще один офицер госбезопасности в звании майора — оперативный дежурный ГУКР Смерш. На столе перед генералом лежала раскрытая папка-планшет с грифом «Совершенно секретно. Особая папка».

— Майор Бугров, докладываю о прибытии по вашему приказанию. — Голос Бугрова был низким, без металла и пафоса, но плотным, как утрамбованный снег.

Генерал Петров поднял голову. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, глаза под густыми седыми бровями смотрели без выражения.

— Садитесь, товарищ майор.

Бугров сел на стул с жестким, просевшим сиденьем, положил фуражку на колени. Спину держал прямо, руки свободно лежали на портупее. Он не пытался заглянуть в папку. Его задачей сейчас было слушать. И ждать.

— В Ленинграде произошло чрезвычайное происшествие, — начал генерал, не повышая голоса.

Его слова, будто капли ледяной воды, падали четко и ровно.

— Вчера на маршруте следования был ликвидирован курьер штаба Ленинградского фронта капитан Соколов. Офицер связи 67-й армии. Имел при себе портфель с оперативными документами уровня «ОВ» — особой важности.

Генерал сделал паузу, достал из серебряного портсигара папиросу, прикурил от настольной зажигалки с трофейным немецким орлом. Дым потянулся прямой струйкой к высокому потолку.

— Патруль УНКВД Ленинградской области обнаружил тело в двадцать пятнадцать. Портфель — пуст. Документы изъяты. Убийство произведено профессионально, бесшумным оружием, предположительно с прибором бесшумной стрельбы. Гильзы убраны. На месте остались следы двух человек. Ориентировочное время ликвидации — двадцать ноль-ноль — двадцать десять. Работа чистая.